

Кежма.

В 1962 году деда вызвали в Крайком партии и предложили поехать в Кежму для работы заместителем председателя исполкома Кежемского районного Совета депутатов трудящихся.

Прямым путем из Иланского в Кежму не доберешься. Спецрейсом на самолете из г. Канска пришлось перевозить семью и вещи. Прибыли в конце марта 1963 года. В Кежме, приравненной к районам Крайнего Севера, температура воздуха была - 41 градус. Моей матери тогда исполнилось 3 месяца, ее старшей сестре 9 лет.

Долгих 16 с половиной лет семья прожила в Кежме. 14 лет в этом домике над рекой Кежмой, в переулке, названном именем командира партизанского отряда, устанавливавшего в районе Советскую власть, Бурлова Н.А., трагически погибшего в 1927 году (на доме мемориальная доска с его портретом). Дед прожил в Кежме в общей сложности 17,5 лет.

Стоит отдельно рассказать о месте с этим суровым климатом. Расположена Кежма на правом берегу Ангары, реки своенравной и суровой.

О Кежме упоминает в своем романе «Дети Арбата» Анатолий Рыбаков: в деревне Верхняя Кежма («Мозговая», как называли ее местные жители), которая расположена в 12 километрах от Кежмы вверх по Ангаре, отбывал ссылку его литературный герой Александр Панкратов.

Кежемский район, образованный 4 июля 1928 года, расположен в окружении относительно слабо развитых в экономическом отношении территорий. На западе он граничит с Богучанским районом Красноярского края; на юге и востоке с Чунским, Усть-Илимским районами Иркутской области, а на севере – с Тунгусско-Чунским районом Эвенкийского автономного округа. Климат в районе резко континентальный.

Район уникален по концентрации природных ресурсов: железная руда, бокситы, потенциальные запасы гидроэнергии, хвойные леса...

Ангарская сосна – ее называют жемчужиной – высоко ценится на мировом рынке. Значительны запасы охотничье-промысловых птиц и зверей.

Спустя много лет, в 1988 году, административный центр района перенесут из села в районный поселок Кодинский, позже, в 1989 году, получивший статус города.

Дикость природы, нетронутой рукой человека, поражала и завораживала. Уникальность природных запасов сочетались с суровой и красивой природой, самобытностью «кежмарей», проживавших там, спецификой сибирского быта. Вокруг тайга, да глухомань. До Красноярска 670 км на самолете, в Краевой центр часто невозможно было добраться из-за отсутствия бетонной взлетно-посадочной полосы, почти 900 км по реке. По настоящему теплый период составлял примерно 3 месяца. 1 октября окончательно устанавливался снежный покров. По несколько месяцев стояли морозы, иногда достигавшие и - 55 градусов.

Вскрывалась Ангара в последней декаде мая. Ледоход представлял собой очень красивое зрелище.

Многим район не в состоянии был себя обеспечить сам. Жители жили натуральным хозяйством, держали домашний скот, с огородов и тайги запасались припасами на зиму. Кормила река - рыбу шапкой черпай: хариус, таймень, красная рыба. Дома все были добротные: бревенчатые, рубленые, в каждом доме подполье; для бытовых нужд отдельно строилось «зимовье», были и бани. Для отопления каждый год приходилось заготавливать достаточно большое количество дров. Печки в домах были у всех разные, но помимо основной печи, почти в каждом доме - железная, ее всегда «подтапливали», иначе не про зимуешь. Воду из реки таскали на себе зимой и летом, когда появилась техника, летом ставили электронасосы и ими качали воду.

Река Ангара очень коварна, множество порогов. Катерами на баржах («илимках») по реке доставляли в летний период грузы, продукты из Красноярска. В селе была традиция провожать «кежмарей» и ждать их.

Одним из основных занятий местного населения было рыболовство. Когда не было рыбнадзора устраивали самосуд над теми, кто ловил рыбу во время нереста. А потом правила ловли устанавливал «Рыбнадзор». Кежмари сами проверяли русло реки Ангары, и многие знали ее судоходную часть. Бакенщики ставили бакены, которые обозначали места, пригодные для судоходства. На берегах также устанавливали щиты, которые с наступлением темноты светились, прекращая свечение с рассветом. На порогах и шиверах коварной реки часто случались трагедии, гибли люди.

Лес был в основном нужен для строительства. Плохо развивалось лесопильное производство. Раньше спиливали вручную, затем появились электропилы, а потом уже бензопилы. Сначала вывозили спиленный лес на лошадях, потом лесовозами. Появилась современная техника заготовки леса. Лесникам приходилось жить в лесу.

Летом часто вспыхивали лесные пожары, выгорало очень много леса. Самое страшное, когда пожар распространялся по верхушкам деревьев. Люди попадали в окружение пожара, бывало, что гибли, сгорал и заготовленный лес, приходилось многих поднимать на ноги, организовывать тушение пожаров, вылетать к очагам для проверки обстановки.

В 1975 – 1976 г.г. был период, что не хватало электроэнергии, т. к. электростанция работала на дизтопливе, а оно завозилось по реке. Старые дизели часто выходили из строя. Около года жили с большими перебоями электроэнергии: при свечах, керосиновых лампах, гладили старинными утюгами на углях, сейчас такие увидишь разве что в музее. А летом, т.к. топить печь было невозможно, еду, бывало, готовили на улице, на примусе.

С большим трудом были получены с Ленинградского завода «Русский дизель» шестисот и девятисотсильный дизели. Везли их после закрытия навигации, в октябре 1976 года. Дед лично контролировал их поистине героическую доставку по Ангаре, находясь на теплоходе «Шуяны», возглавляемом капитаном Андреем Ивановичем Сизых. По Ангаре уже шла шуга. Само по себе это путешествие вверх по реке, против течения, было не безопасным.

Несмотря на суровые условия, в районе с каждым годом происходили большие изменения в лучшую сторону.

Однако в семидесятых годах начали проводить изыскательские работы для определения места будущей Богучанской ГЭС. Надо было определить район затопления, чтобы как можно меньше было затоплено леса и полезных ископаемых. Такое начало строительства Богучанской ГЭС стало вносить разлад в размеренный уклад жизни «кежмарей», т.к. село и многие деревни попадали в зону затопления. Стало ясно, что будущего у Кежмы нет. В последующем судьба распорядилась так, что не стало у «кежмарей» их малой родины.

15 с половиной лет верой и правдой служил дед народу и отечеству. Весь быт района, его жизнеобеспечивающие отрасли лежали на нем. Постоянные и бесконечные командировки по району, в котором помимо Кежмы было 24 населенных пункта. Было и так, что только приезжал из одной командировки, уже собирался в другую. В своем повседневном труде не искал прибыли для себя, понимал, что за него никто другой, то, что поручено ему партией не сделает, богатств материальных не нажил. Многие кежмари помнят его и благодарны за его труд и вклад в благосостояние их малой родины.

Работа подорвала здоровье деда. В июне 1978 года пришлось уйти на пенсию по инвалидности. Но еще два года оставался в Кежме, работал начальником штаба гражданской обороны Аэропорта «Кежма», судебным исполнителем в районном суде по июнь 1980 года.

Наверное, кто-то скажет, а так ли уж плохо пришлось в жизни человеку, рассказ о судьбе которого, подошел к завершению, да и лет на земле он живет немало, дай бог каждому.

В сентябре 2003 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончалось его супруга, верная спутница жизни, моя бабушка Добровольская Людмила Никодимовна, редчайшей души человек. Горечь и боль утраты от потери отца, незаслуженно объявленного врагом народа, жила с ней до самой смерти.